

Удар получился очень крепким. А поскольку рот был открыт, Сюэ Динъюань почувствовал во рту вкус крови — зубы, должно быть, ударились друг о друга и поранили десну.

Затем ударился и нос, так что глаза сразу слезились.

Когда Чу Хуншэн перевернул «гигантского кокона», то снова был поражён видом Сюэ Динъюаня с заплаканными глазами. Но тут же увидел, что тот с болью открыл рот, а в нем — кровь. Чу Хуншэн тут же забыл о том, какой это «милый» вид, и с тревогой спросил:

— Ты язык прикусил?

Сюэ Динъюань высунул язык, показывая, что всё в порядке:

— Я в порядке, ты лучше посмотри на себя. Мне кажется, я тебя довольно сильно укусил.

С этими словами он старательно выбрался из кокона и начал расстегивать одежду Чу Хуншэна. Но когда действительно расстегнул, то снова растерялся...

Как он мог так запросто к нему полезть? Это же просто аморально!

Но на груди Чу Хуншэна действительно был отпечаток зубов. Это было слишком стыдно.

Чу Хуншэн, делая вид, что ничего не произошло, натянул нижнюю рубашку вниз:

— Я принесу тебе воды, прополощи рот.

Сюэ Динъюань поспешил за ним:

— Я сам могу.

На самом деле было довольно больно. Зубы болели, наверное, и грудь Чу Хуншэна тоже. Сюэ Динъюань с беспокойством спросил:

— У нас дома ещё есть пластырь?

Когда-то Линь Юнмин с парнями купили много, должно быть, что-то осталось.

Чу Хуншэн кивнул и пошёл искать пластырь в шкафу в комнате. Сюэ Динъюань последовал за ним. Смотря, как Чу Хуншэн ищет, он невольно провёл языком по зубам, проверяя, не шатаются ли они.

Не шатались. И снова он вспомнил об отпечатке зубов на груди Чу Хуншэна... Он признавал, что был распутным мужчиной: только от этой мысли у него пересохло во рту, и он снова облизнул губы.

Как раз в этот момент Чу Хуншэн обернулся. Сюэ Динъюань показалось, что его взгляд стал тёмным, все внимание сосредоточилось на его губах. Этот взгляд словно излучал жар, от него у Сюэ Динъюаня даже перехватило дыхание.

К счастью, Чу Хуншэн быстро отвёл взгляд, иначе Сюэ Динъюань бы просто задохнулся от напряжения.

Сюэ Динъюань только выдохнул с облегчением, как увидел, что Чу Хуншэн протягивает ему пластырь:

— На.

Сюэ Динъюань:

Он указал на грудь Чу Хуншэна:

— Ты сам приклей.

Он действительно хотел выхватить пластырь и приклеить его сам!

Но в последний момент он смог остановиться. Сюэ Динъюань молча отвернулся: «Я должен быть чистым человеком, благородным человеком, человеком, далёким от низменных интересов...»

Но когда Чу Хуншэн действительно приподнял одежду и стал клеить пластырь, он снова не удержался и украдкой посмотрел.

Чёрт, чего здесь подглядывать? Если бы он захотел показать, Чу Хуншэн бы разве не показал?

Он в отчаянии прижался лбом к шкафу: «Форма есть пустота», Сюэ Динъюань, ты должен это помнить.

Наконец-то с этим покончили. Чу Хуншэн посмотрел на время:

— Сегодня давай ляжем пораньше, слишком холодно.

Сюэ Динъюань подумал и решил, что это правда, поэтому полез на новую односпальную кровать.

И тут услышал сзади кашель Чу Хуншэна:

— Сегодня слишком холодно, лучше переночуй со мной.

У Сюэ Динъюаня внутри всё взорвалось, но он услышал свой собственный весьма спокойный ответ:

— Лучше не надо.

Он боялся, что не выдержит. Можно смотреть, можно трогать, но нельзя ничего делать — это было слишком мучительно. Он чувствовал, что уже вот-вот достигнет святости.

Но Чу Хуншэн не собирался его слушать. Он просто потащил Сюэ Динъюаня к себе на кровать:

— Будь послушным.

Сюэ Динъюань:

Это ты сам напросился! Не вини меня, если я воспользуюсь твоей добротой!

Сюэ Динъюань думал об этом с яростью, скрежеща зубами, ему не терпелось тут же наброситься на Чу Хуншэна и сделать с ним что захочет.

Но когда он реально оказался в кровати, он сразу стал образцом послушания. Лежал, опустив глаза, словно старый монах в медитации, боясь, что по неосторожности сделает что-то, что Чу

Хуншэн не поймёт и не примет.

Что же касается Чу Хуншэна...

Чу Хуншэн уже был закалён событиями последнего времени и реагировал спокойно. Он совершенно не заметил ничего странного, снова пошёл греть воду, наполнил несколько грелок и засунул их под одеяло, а затем сам, ровно дыша, выключил свет и забрался внутрь.

Хотя Чу Хуншэн старался быть осторожным, когда одеяло приподнималось, Сюэ Динъюань всё равно вздрагивал.

Чу Хуншэн это заметил и сказал ему:

— Не ложись так близко к краю, одеяло маленькое.

Сюэ Динъюань отозвался, но на месте не пошевелился.

В темноте Чу Хуншэн с недоумением нахмурился, не понимая, почему Сюэ Динъюань вдруг стал таким странным, и прямо сказал:

— Подвинься ближе.

Сюэ Динъюань послушался и начал ползти, продвинулся сантиметров на пять.

Чу Хуншэн:

Он быстро протянул руку, схватил Сюэ Динъюаня и рывком притянул к себе, обняв.

Сюэ Динъюань:

Он чувствовал, что сам навлёк на себя беду. В начале, когда они только начали спать в одной кровати, Чу Хуншэн очень берёг личное пространство. А что он делал тогда?

Да, он, пережив различные сопротивления Чу Хуншэна, всё равно крепко прижимал его к себе!

И теперь ситуация изменилась: Чу Хуншэн привык, а он — нет!

Он действительно не мог: стоило телу Чу Хуншэна своим теплом коснуться его, как у него началась реакция.

Сюэ Динъюань со слезами на глазах попытался отодвинуться в сторону, но Чу Хуншэн прижал одеяло:

— Не двигайся, а то продувает.

Сюэ Динъюань подумал: если бы можно было заморозить определённое место, он бы согласился!

Но мог только пробормотать:

— Я не мылся.

Чу Хуншэн на секунду замолчал, затем снова притянул Сюэ Динъюаня обратно:

— Я тоже не мылся, так что никто никого не презирает.

У Сюэ Динъюаня не осталось аргументов, и тут он услышал, как Чу Хуншэн добавил:

— К тому же, я тебе раньше помогал мыться... ты же знаешь?

Сюэ Динъюань:

Наконец-то он успокоился и начал мысленно декламировать: «Когда Небо собирается возложить на человека великую миссию...»

Он считал, что это вполне подходит к ситуации.

А Чу Хуншэн в это время тоже страдал.

Он старался держать Сюэ Динъюаня так, чтобы не прижиматься к нему вплотную, но всё равно удерживать в объятиях.

Он сам не знал, считается ли это использованием ситуации. Он искренне заставил Сюэ Динъюаня лечь с собой из-за холода, боясь, что тот замёрзнет.

Но приходилось признавать, что держать Сюэ Динъюаня в объятиях доставляло ему радость и телесную, и душевную.

Только что в романе он встретил фразу «поить ядом, чтобы утолить жажду». Он посмотрел в словаре и решил, что это очень точно описывает его нынешнее состояние.

Но даже если бы он плавал в воде с полыньёю, он бы наслаждался этим — это он тоже прочитал в романе.

Он как раз думал о том, что чтение романов не совсем бесполезно, ведь помогает точнее описать собственные чувства, как вдруг Сюэ Динъюань, словно что-то вспомнив, заговорил:

— Кстати, мы ведь говорили о том, хочешь ли ты учиться?

Чу Хуншэн:

— Не хочу, правда, — он, обнимая Сюэ Динъюаня, похлопал его по спине. — Ты же знаешь, какой я был в школе, не люблю учиться, да и мозгов нет.

Сюэ Динъюань не захотел это слушать:

— Не любишь учишься — так не любишь, причём тут мозги? Я считаю, ты очень умный, да и здоровье крепкое. Да и книги же любишь читать? Может, ты просто любишь литературу, с гуманитарными предметами у тебя перебор, а с точными проблемы. Скажу тебе, такие вполне могут быть гениями.

Чу Хуншэн глубоко выдохнул:

— Я просто хочу почитать книги, я не любитель литературы.

Только бы не вешали на него такой ярлык, он боялся этого.

— Ну... в общем, ты любишь читать, так читай больше. Не обязательно же идти в школу. В любом случае, ты в будущем ни в чём не будешь нуждаться.

Сюэ Динъюань в любом случае считал, что Чу Хуншэн хорош во всём, и никто не мог сказать обратного!

В темноте уголок рта Чу Хуншэна незаметно поднялся:

— А-а.

К счастью, с отоплением управились довольно быстро, починили до начала семестра, и Чу Хуншэн с Сюэ Динъюанем оба облегчённо выдохнули.

Хотя и было немного обидно: как же так быстро починили.

Чу Хуншэн: Ты только на пути к святости, а я уже вошёл в режим святого.

Сюэ Динъюань: ... Ты так не можешь, ты знаешь?

...

Ааааа, я не вывожу шесть тысяч, я выложу три тысячи и отдохну, пока будут силы, добавлю ещё!

<http://bllate.org/book/16745/1562056>